
Даниил ДАНИЛЕНКО

СКВОЗЬ ГОДА

Рассказ

Просыпалась станица, расположенная вблизи минеральных вод в предгорьях Кавказа. Ее заливало солнце, и потому плодородие на землях Подгорной было замечательное. Жители проводили сутки напролет на работах, которые не отличались разнообразием: ты либо пашешь на хозяйство, либо обслуживаешь это хозяйство. Иногда случалось и нечто сказочное: в станицу приезжали художники-передвижники, восхищенные пейзажами пшеничных равнин. Но они рисовали не только романтические пейзажи, но и собирали неплохую кассу с семей станичников за портреты. Какую-то часть денег тратили на временное жилье, чаще всего останавливаясь у бывшего моряка с рыбацкого судна «Яблочков» Гвардеева. «Сарафанное радио» добавило популярности его домикам, и старику привалило настоящее счастье. Поэты и художники в летний сезон буквально ломались в просторные домики, дабы написать что-то ценное для родной страны. Гвардеев стал обеспеченным. Но по окончании бархатного сезона все творцы улетали, уплывали, уезжали, оставляя старика в одиночестве.

И вот конец сентября подступил к границам станицы. Неспешный ветер последних солнечных дней окутал дороги и земляные холмы, навевая тоску по упущенным августовским дням. Семейные дворы готовились к морозам, запасая сено, утепляя дома, сельчане в последний раз бродили по опустевшим огородам. Жизнь замирала на пороге зимы, стараясь удержать воспоминания о летнем тепле.

Старик Гвардеев понуро бродил по проселочным дорогам с ухабами, поросшими пожухлой травой. Он почти не поднимал глаз, а шел словно по наитию, на звонкие голоса людей, которых мог знать. Николай Семенович искал успокоения в разговоре, в медовом аромате предложенного ему чая. В этот раз он набрел на семейный сад с открытой верандой и ломаной крышей, где уместились плотно посаженные ночные фиалки и душистая резеда нежно-алых оттенков. Здесь жила семья Дроздовых, работавших на газовой установке в соседней станице. У них было двое детей: Лида и Гена. Они всегда убегали, как только в доме появлялись незнакомцы. Гвардеев робко постучался и окликнул главу семейства Андрея Дроздова.

— Андрей, привет. Можно?

— Да. Мы тут, в зале. Моя притомилась в саду, так что вряд ли захочет болтать.

Гвардеев снял куртку, присел к столу и стал дожидаться чая. На стенах висели картины с вышивкой, весьма искусной, выполненной с любовью и детской непосредственностью.

— Кто это делал?

— Жена, Мария.

— Она талантлива.

Даниил Олегович Даниленко родился в 2003 году в Омске. Данная публикация — дебют автора.

— Спасибо, — Андрей поставил чай перед собеседником и уселся за плетеный стул собственного изготовления.

— Слышал, ты со своим детским отрядом скоро в горы пойдешь.

— Да, давно планировал. Собрали уже все справки, родители переживают сильно, раньше, мне кажется, было по-другому. Сейчас это сплошной мрак. Чего только стоит убедить, что я не шарлатан, а опытный путник и педагог все-таки.

— Соглашусь. На какие высоты метишь со своими воспитанниками?

— На склоны Шахдага, в ущелья завести их попытаюсь и к минеральным источникам, они там прямо перед тобой текут. Вода очень полезная.

— Слышал новость? — сменил тему старик. — Про пацаненка, что в казарме станичной дебош устроил. Говорят, напился и отхлестал своих же, со своего призыва, — покачив головой, горько рассмеялся. — Вот оно, нынешнее благородство: новых призывников не тронул, а своих до вольной кровушки избил.

— Такой нрав сейчас, — и не спеша отхлебнул чая. — Я вам анекдот расскажу: Сидят в кабинете трое молодых людей, обаятельных, амбициозных, статных. Переговариваются о чем-то между собой, а в глазах так и блестит перспектива, ну знаете, бывает так.

— Знаем.

— Так вот, сидят, и вдруг к ним заходит человек постарше и кричит: вы, молодые и дерзкие, каждый из вас Брут по сути своей. Молодые в замешательстве: кто такой этот Брут?..

Гвардеев захохотал, старчески побряхтывая.

В этот момент в гостиную вбежала Мария, глаза ее сверкали от бешенства, и закричала:

— Сон — лучшее, что есть у человека; он сродни счастью, особенно когда дети спят в саду и вдыхают кипарисовый воздух. А ваше мерзкое гоготание все разрушило. Андрей, я разочаровалась в тебе.

Гвардеев не дышал. А Мария продолжала, лихорадочно бегая по гостиной:

— Николай Семенович, мое уважение к вам безгранично, но сейчас не лучшее время для разговоров. У нас на почте сокращение, и меня завтра вызывает начальство, и я хотела бы выспаться.

— Хорошо, Машенька. Ухожу.

Послышался детский плач, стук по подоконнику.

— Андрей, не провожай.

— Я тебя понял, но этот визг я слушать не буду. Мне нужно электрику проверить, а то опять вечером при керосиновой лампе просидим.

В этой суматохе Гвардеев покинул дом. Уже была ночь, и он двигался наугад, по пологим тропинкам при свете редких фонарей. Он подошел к своему дому, накормил собаку, почти ослепшую от старости, и лег в проветренную до мерзлоты постель. Ему нужно было следующее утро, чтобы одиночество не забрало его на свой невесомый борт. Во сне снова приходила юность, Николай Семенович представлял ее на верхушке домов, окутанную дымом.

* * *

Наступило суховатое утро. Гвардеева мучила надежда устроить ужин для комбайнеров, в нем проснулось благородство, будто рыцарский дух посетил его домик. Старик твердо решил совершить доброе дело. Пока прибирался в своих владениях, набежали тучи, загремел затяжной гром, деревья обреченно трещали в ожидании града.

Сумасшедший дождь обрушился на станицу. Гвардеев не терпел звуки грома, он запер все двери, закутался в одеяло и попытался представить обмеление рассудка.

Спустя час желание постороннего общества улетучилось в район произрастания туманов. Гвардеев ждал закатной засухи в станице, чтобы отправиться в сельский клуб. Там вечно играл заржавелый саксофон, и вдохновенная женщина свысока своего жизненного опыта вымораживала стихи Ахматовой и изображала из себя диву. Гвардееву это было по нраву, и поэтому он слыл щеголеватым модником. Он шел ради встречи.

Николай Семенович подошел к клубу, сегодня здесь как-то особенно остро чувствовался дух нежданно наступившей свободы. Живительный гул молодежной музыки бодрил. Собирался народ с молодежным привкусом и лицами влюбленного оттенка. Казалось, сами стены начинали искрить и скрипеть. Ноги пускались в неведомый путь, словно некий задорный сеятель разбросал зерна смеха вокруг... Около сцены, на которой извивался художавый гитарист, царило привычное оживление. Гвардеев забился в выбеленный угол и неграмотно созерцал происходящее. Через несколько минут к нему пришла зловещая тоска, она схватила его за плечо и сказала, что пора домой, к хозяйству, которое сильно износилось.

Гвардеев согласился, но перед уходом решил поговорить с молодым человеком, показавшимся ему обаятельным и разговорчивым.

— Хорошее у вас время.

— Меня всегда удивляет, что престарелые люди говорят одни и те же фразы.

Гвардеев удивился и снова начал:

— В общем, я вижу, вы талантливые ребята. Хочу пожелать такой подлечей и скользкой вещи, как удача.

— Спасибо.

Они обнялись. Гвардеев скрылся в тени леса от бесконечных мельканий. Ему стреляла в спину лунная стрела, но он не обращал на нее внимания. Ожидался новый день, полный мельчайших огорчений.

* * *

Станица потихоньку очищалась от осенней каши, и утром Николай Семенович решил сходить на озеро, которое славилось в округе обилием рыбы. Все прошло хорошо, Гвардеев поболтал со знакомыми и немного позавидовал этим людям и их роли в обществе. Они служили защитниками для своей родни, отважными рыцарями, способными беречь твердый стержень рассудка и благосостояния. По сравнению с ними Гвардеев был вошью.

Подходя к своему дому, он вдруг заметил, что дверь приоткрыта и из нее просачивается запах незнакомого одеколона с острой примесью лагунных жидкостей. Гвардеев пробрался в прихожую, схватил кочергу, а потом услышал стук тяжелых ботинок по продавленному полу и, покрывшись холодным потом, решил, что пора действовать. Робкой поступью дошел до залы, размахнулся кочергой и побежал наобум. В углу нагло рылся в ящиках сутулый молодой человек. Гвардееву было все равно, он жаждал воткнуть кочергу в обидчика. И вот дьявольский замах, но молодой человек ухитрился увернуться и отпрянул в сторону, к окну. Гвардеев метнулся от окна и получил удар в глаз. Они вмиг наполнились слезами и ненавистью. Ведь это объявился его единственный непутевый сын Владимир, покинувший его когда-то в погоне за птицей счастья, как известно, обитающей только в столице.

Гвардеев мгновенно погасил волну гнева. Она словно испарилась.

— Успокойся, подожди, я совсем промок.

Молчание. Гвардеев начал:

- Пошли погуляем, я тебя не буду бить.
- Я согласен.

Отец и сын вышли на свет. Николай Семенович запер будки и дом, трясущимися руками закурил сигарету, вытянув ее из портсигара с гравировкой: морская фуражка в обрамлении пушечных снарядов.

Владимир пытался горестным повествованием уговорить Гвардеева дать ему немного денег и позволить пожить в станице — понабраться мудрости, которой ему не достало в столичных баталиях за денежный достаток. Затем он планировал снова вернуться в столицу и попробовать грамотно распорядиться начальным капиталом при открытии частной юридической компании.

Гвардеев, как пограничник, осторожно всматривался в лицо сына. Что там? Обреченность и еще не до конца догоревший фитиль. Как он мог отвергнуть родное?

Его доброта разворачивалась в сторону сына, будто цветущая аллея, но он хотел ее скрыть: жизнь научила — не проявлять ласку, оставаться прежним морским волком с тяжелым взглядом.

Владимир почувствовал жалость к себе и продолжал давить, вдыхая воздух, наполненный свежестью рябин и промозглого дождя.

— Отец, ты главное — не убей меня на следующее утро, и тогда лучше станет. Невестку хотел к тебе привезти, так она, видите ли, барыня, не захотела в такое захолустье ехать. Отец, все село на меня, как на паскуду, смотрит — видимо, много ты им в уши влил про мои искания, что аж зубы скалят. Хорошо хоть ребята мои, друзья приняли в кооператив к себе.

— Я рад за тебя.

— Слушай, я помню, что там на холме кладбище рыбацких лодок. Пойдем туда.

Гвардеев согласился, было уже четыре часа дня, и дело шло к обеду. Но человеческий голод вызывает злость, поэтому путники двинулись дальше.

* * *

Они поднялись на небольшой песчаный холм и приблизились к воде, сбегавшей от горных истоков. Гвардеев присел на бревно, Владимир отошел немного от него, будто пытаясь пройти.

— Скажи, отец, ты ведь знал, что я люблю рисовать и в общественных процессах мало чего понимаю, но ты все-таки давил и заставлял заниматься этой нудятиной, чтобы потом, на старости лет, я тебе копеечку приносил. Вот за это я тебя ненавижу и бунтовал, а с такой психикой обиженного мальчика не добьешься успеха в столице.

Гвардеев заплаыл искренним смехом.

— Я ничего не хочу объяснять тебе, ты остался дураком.

— Возможно. Но сейчас я готов помогать тебе материально, вернуться на эту землю, на комбайнах с мужиками пахать. Просто деньги приперли к стенке, и именно сейчас. Моя невеста лучше меня, гораздо лучше, пытается выживать и активно дела делает, специфические, связанные со стариками и детьми. Она будто из благословенного рая спустилась и немного ошиблась в поиске любви. Во мне же ее нет. Ты этому меня научил.

Гвардеев вмешался:

— Я всеми силами из тебя мужчину делал. Ты ведь даже сверло нормально не умел держать, только бегал к соседским девчонкам картинки разглядывать непонятные да как ошпаренный с утра носился с камерой. И мне тащил картинки. Неужели ты не по-

нимал, что у меня ответственная работа. Ты думаешь, я просто так среди морей барахтаюсь? За мной десятки человеческих душ, за которые я отвечаю, и в любой шторм сердце из груди вылетало. И тогда только и следишь, чтобы все канаты были на месте, чтобы каждый моряк по возможности сидел в каюте и молился за других... А тут ты забегаешь с красными глазами, весь измазанный. Что я мог еще сделать?

— Посмотреть, что я наваял. Было бы достаточно, чтобы мой отец взглянул на мой набросок или фотографию.

— Я не знаю, откуда у тебя такая кровь.

— Что ты заладил: я не знаю, я не знаю. Иди утопись где-нибудь.

— Говори, говори, сынок, всю мерзость, что внутри сидит. Я-то тебя не услышу, может, хоть небеса что-то смогут понять.

— Правда, не хотелось с тобой ссориться.

— Так чего же ты пытаешься забраться на эту гору? Ты думал, добра тебе пожелаю после дел, которые ты намешал? Нет, нет, нет... — старик перешел на крик. — Я буду тебя унижать, если уж не получилось воспитать. Все, что я могу сделать, — поселить тебя в отдельном домике.

— Спасибо, — Владимир понимал, что нужны более решительные действия, но пока не планировал их, потому что знал, что все зависит от встречного течения.

За их разговором вечер обжил всю округу. В тот день было как-то особенно тихо в станице, она словно избавлялась от ненужных вещей, чтобы продолжить одной ей известный путь.

Владимир был поселен в самый прохладный барак, там пахло умершей капустой и самым ядреным самогоном. Молодой человек быстро закутался в одеяло, высунул голову и понял, что барак очень похож на хутор, который запутался в лесах, и напоминал планетарий, потому что даже крыши не предвиделось у этого сооружения. Владимир смотрел на хрустинки звезд и понимал, что нужно дожать отца. Но вот в чем вопрос: придется ли это сделать силой? Он предполагал избиение, но не планировал — ждал встречного течения.

* * *

По давней привычке Гвардеев заходил сначала в музей собственного имени, где были собраны бортовые журналы, граненые стаканы из всех экспедиций, обугленная одежда моряков, курительные трубки, даже пробитая шлюпка была притащена им из неудачного похода. Затем шел осмотреть близлежащие фермы, а ближе к полудню возвращался к себе в кабинет и перебирал бесчисленные бумажки. Владимир прекрасно знал об этом распорядке дня и намеревался серьезно, с грубыми словцами, заставить отца дать ему деньги.

И вот блудный сын зашел в дом отца, небрежно разулся и направился в его комнату. У него потяжелели виски и затряслись руки. Он открыл дверь кабинета, сразу оперся на рабочий стол и сказал:

— Ну что? Все, приплыли, товарищ адмирал запаса. Подчиненный недоволен вашими командами, и нет времени ждать вашего благоразумия, он пришел отбирать у вас деньги. Они в сейфе?

— А почему не в банке?

— У тебя мозгов не хватит туда их положить, ты же у нас смелый и независимый. Где они?

Гвардеев почувствовал, что от сына пахнет алкоголем, и решил помочь ему пережить эти буйные часы. В соседней комнате стояла раскладушка с матрасом в горошек

и пушистым пледом из местной овцы. Отец хотел сыну добра. Гвардеев протянул руку, но получил удар по ней, она сразу же обвисла.

— Отвечай, тварь, где деньги за аренду.

— Ты пьян, тебе надо на речку и спать. Потом снова слезливые сцены будешь мне устраивать.

— Поганец, — Владимир схватил отца за шкуру, словно кота из подворотни, и потащил к выходу. Николай Семенович пытался цепляться за мебель и углы, старался ударить сына по лицу, но не попадал и сильно бранился. От ударов у старика пошла кровь, а Владимир продолжал тащить его к выходу.

И тут отец вырвался из его лап, но остался на коленях, нащупал сквозь залитые кровью глаза плетеный кошелек, вынул все имевшиеся там деньги и отдал их сыну, задыхаясь от бешеной и бессильной злобы. Он любил сына, но не смог это осознать и пойти этому трепетному чувству навстречу еще много лет назад.

Владимир взял деньги, ощупал их, аккуратно прикрыл дверь и отправился кутить. Николай Семенович, все на коленках, впал в истерику, затем начал задыхаться и, вконец обессилив, облокотился на табуретку в коридоре. И больше не встал...